

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ
«ЭЛЛИНИЗМ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ,
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ, СУЩНОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ»
(Москва, 21–22 декабря 2012 г.)

21–22 декабря 2012 г. в Российском государственном гуманитарном университете прошел Российско-украинский научный симпозиум «Эллинизм: географические границы, хронологические рамки, сущностное содержание», организованный кафедрой истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ при содействии Российской ассоциации антиковедов. Симпозиум проводился и финансировался в рамках Программы поддержки научно-образовательных проектов и программ РГГУ.

В работе симпозиума приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Саратова, Киева и Харькова. Всего было заслушано 15 докладов. По замыслу организаторов основное внимание докладчиков и участников дискуссии должно было быть уделено обсуждению теоретических проблем, связанных с пониманием исторического феномена эллинизма. Анализ современной историографической ситуации показывает, что такая тематика не пользуется особой популярностью в западном антиковедении, хотя количество исследований по истории эллинизма (в том числе и обобщающих) непрерывно возрастает. Между тем актуальность концептуального осмысления накопленного материала не вызывает сомнений, тем более что отечественная наука о древности располагает солидным заделом в этом плане (работы К.К. Зельина, Г.А. Кошеленко, материалы дискуссий 1955 и 1982 гг. и др.).

Участникам и слушателям перед началом мероприятия были предложены вопросы для обсуждения:

1. Являются ли сегодня возможными, необходимыми и продуктивными попытки теоретического осмысления эллинизма?
2. Дройзеновский термин «эллинизм»: уточнение содержания и возможные альтернативы ему.
3. Эллинизм как период, конкретно-историческое явление, культурно-цивилизационный феномен; насколько соотносимы эти аспекты?
4. Концепция эллинизма К.К. Зельина: 60 лет спустя. Теоретические подходы к эллинизму в современной отечественной и зарубежной историографии: проблемы и перспективы.
5. Понятия «пред(прото?)эллинизма» и «постэллинизма»: хронологическая и сущностная составляющие.
6. Греко-восточный цивилизационный синтез: реальность эпохи или современный историографический конструкт? Греко-восточные (эллинико-варварские) взаимодействия в государственности, экономике, культуре; их значение и возможные варианты.
7. Эллинистическая государственность: становление и эволюция. Эллинистическая монархия: результат взаимодействия греческих, македонских и восточных начал? Полис в эпоху эллинизма: утрата самостоятельной роли или обнаружение нового *modus vivendi*?
8. Ключевые понятия в трактовке феномена эллинизма: македонский империализм, придворное общество, господствующее общество, доминирующий этно-класс; другие?
9. Региональная типологизация эллинистических государств. Где проходит географическая и смысловая граница между ними и периферийными обществами? Формы контактов и взаимовлияний между эллинистической цивилизацией и «внешним миром».
10. Греческая цивилизация эпохи эллинизма: «духовный надлом» (Ю.В. Андреев), «окончание греческого чуда» (А.И. Зайцев) либо поступательное развитие?
11. Наследие эллинизма в Римской империи и за ее пределами: сфера культуры и другие проявления.

На открытии симпозиума с приветственным словом выступили Президент Российской ассоциации антиковедов *А.И. Иванчик* и зам. директора Института восточных культур и античности РГГУ *Н.П. Гринцер*. Вводное выступление *О.Л. Габелко* было посвящено актуальным проблемам истории эллинизма; в нем отчасти были затронуты перечисленные выше вопросы и предложены пути поиска ответов на них.

В докладе *И.Е. Сурикова* (Москва) «К вопросу о главном историческом содержании эпохи эллинизма и о правомерности категории “предэллинизм”» было отмечено, что категория предэллинизма (протоэллинизма) может трактоваться только в связи с категорией эллинизма как такового. Что ка-

сается последнего, ключевым его показателем традиционно признается греко-варварский синтез. В действительности, однако, этот синтез – характеристика не эллинизма в целом, а лишь обществ эллинистического Востока. Для автора доклада эллинизм – явление, имеющее отношение прежде всего не к этническим или культурным реалиям, а к политогенезу и социально-политической психологии. Это в первую очередь время, когда совершился переход «от гражданина к подданному», от мира, где преобладали суверенные республиканские полисы, к системе, где доминировали крупные монархические государства. В этом плане и разговор о предэллинизме в IV в. до н.э. (начало упомянутых процессов приходится как раз на это время) имеет полный резон, хотя в последнее время отношение к термину «предэллинизм» в нашей историографии чаще негативно. Доклад *А.С. Балаханцева* (Москва) «Восточная политика Александра Македонского и Селевкидов: разрыв или преемственность?» был посвящен рассмотрению вопроса, который уже давно находится в центре внимания исследователей эллинизма. Нарративные и эпиграфические источники демонстрируют, что так же, как и при Александре, в державе Селевкидов представители восточных – в первую очередь иранских – народов составляли значительную часть армии. Иранские аристократы стояли во главе крупных воинских соединений и сражались в составе конной гвардии – агемы. Туземные подданные Селевкидов могли получать права гражданства в эллинских полисах. На протяжении всего селевкидского периода шел инициированный еще Александром процесс «слияния» греко-македонян и варваров, охвативший различные сферы общественной, культурной и религиозной жизни. Все это вместе взятое позволяет считать, что Селевкиды продолжили восточную политику Александра Македонского, которая стала одним из главных средств укрепления их разноплеменного государства.

Несколько иной подход к похожему вопросу был представлен *С.В. Смирновым* (Москва) в докладе «“Доминирующий этнокласс” в государстве Селевкидов при Селевке I и Антиохе I: основные проблемы», в котором был рассмотрен социальный аспект формирования эллинистической монархии Селевкидов. В качестве социальной модели для государства Селевкидов автором была воспринята концепция П. Бриана о «доминирующем этноклассе» – социальном слое, принадлежность к которому определяется по этническому принципу. Представители греко-македонского этнокласса, сформировавшегося в правление первых двух царей династии Селевкидов, занимали все ключевые посты в армии, сатрапиях и при дворе. Анализ различных источников показал, что уже с середины III в. до н.э. верхушка «доминирующего этнокласса», состоящая из представителей высшего чиновничества, полководцев и придворных, находилась в тесных взаимоотношениях с локальной аристократией, что вело к постепенной интеграции представителей местных элит в «доминирующий этнокласс». Между тем низы – главным образом жители колоний – еще достаточно продолжительное время сохраняли сегрегацию. Характерной особенностью периода правления Селевка I и Антиоха I является неизбежное привлечение местной знати к управлению государством, но при этом сохранение сильной дистанции между представителями «доминирующего этнокласса» и локальными элитами. К данной проблематике логически примыкало выступление *А.С. Анохина* (Москва) по теме «Опора или угроза: роль греко-македонского населения в развале державы Селевкидов». Используя данные письменной традиции и социального моделирования, докладчик пришел к выводу, что греко-македоняне, составляя основу армии и администрации в государстве Селевкидов, оставались слишком малочисленными и не были в достаточной степени заинтересованы в успехах царя. Они не смогли стать оплотом династии в борьбе с угрожающими внешнеполитическими условиями, с которыми держава столкнулась во II в. до н.э., когда с Востока начали свою экспансию парфяне, а на Западе, в Средиземноморском бассейне, активно пошел процесс инкорпорации территорий в состав Римского государства. Сокращение военной активности царя порождало протест со стороны греко-македонского населения, получавшего от службы прямые выгоды. Недовольное одним монархом, оно, искренне добиваясь возрождения могущества державы, пытается вверить эту миссию другому. При внешней поддержке это приводит к череде узурпаций трона и ослаблению центральной власти.

Быстро почувствовав это, другая структурообразующая сила державы – автономные государственные образования (полисы, гражданско-храмовые общины, народы) начали требовать привилегий и иммунитетов для себя, что привело к распаду владений и коллапсу центральных органов управления. В результате этих процессов за несколько десятилетий начиная в середины II в. до н.э. держава Селевкидов из крупной монархии превращается в зауздную деспотию в постоянно сужающихся границах.

К.Ю. Нефедов (Харьков) в докладе «Культовый правитель и царская власть в эпоху эллинизма: проблема соотношения» предпринял попытку выявить взаимосвязь между царским культом и институтом эллинистической монархии. Автор считает, что культ правителя был в своей основе не реальным обожествлением царя, а высшей степенью почета, воздаваемого за благодеяния. В этом качестве культовое чествование придавало эллинистическим правителям необходимое царское достоинство и представляло их в образе идеальных базилисов, легитимизируя тем самым их единоличную власть.

При этом функцию легитимации выполнял в равной степени как государственный династический, так и полисный царский культ. Масштаб и характер культового почитания эллинистических монархов напрямую зависели от степени и характера их властных притязаний, что находило отражение в конкретных почестях и ритуалах культа. В докладе «Начало эллинизма в Египте в восприятии представителей его местной элиты (по данным автобиографических надписей)» *И.А. Ладынин* (Москва) охарактеризовал ряд фрагментов иероглифических частных надписей последней трети IV в. до н.э. («Неаполитанской стелы» Сематауитефнахта, Большой автобиографической надписи Петосириса из его гробницы, надписей на целительной статуе Джеб-Хора и т.д.). Общий вывод докладчика состоял в том, что, судя по данным текстам, знатные египтяне раннемакедонского времени были убеждены в отсутствии в эту эпоху в земном мире полноценного царя-ритуалиста и не стремились признать это качество за Александром и его формальными преемниками – Аргеадами.

А.Л. Зелинский (Киев) в докладе «Феномен коронации Птолемея I» отметил, что среди нерешенных вопросов, связанных с так называемым «годом царей», не последнее место занимает проблема хронологической локализации принятия царского титула Птолемеем – сыном Лага. Согласно свидетельствам большинства нарративных источников, это событие произошло в 306 г. до н.э., тогда как данные демотических папирусов в совокупности с Паросской хроникой и Александрийским астрономическим каноном указывают на 305/304 г. до н.э. Сам автор присоединился к относительно немногочисленной группе исследователей, считающих, что Птолемей прошел процедуру интронизации дважды: в 306/305 – как македонский базилевс, а в 304 г. до н.э. – как египетский фараон. Докладчик привел аргументы в пользу такого предположения, особо подчеркнув, что первая интронизация диктовалась сугубо внешнеполитическими потребностями, тогда как вторая носила исключительно внутривластный характер. *О.Л. Габелко* (Москва) в докладе «Анатолийское этнополитическое койне: к разработке понятийного аппарата в изучении эллинизма», проведя краткий анализ литературы последних десятилетий, отметил, что исторические особенности эллинистических монархий Малой Азии не получили пока что в антиковедении концептуального осмысления. При обращении к истории Вифинского, Каппадокийского и (в несколько меньшей степени) Понтийского царств продолжает преобладать «описательный дискурс», а первым двум государствам до сих пор не посвящено серьезных монографических исследований на западноевропейских языках. Выработке более адекватного подхода, с точки зрения докладчика, может способствовать введение понятия «анатолийское этнополитическое койне», фактически тождественного малоазиатскому варианту эллинизма. Помимо естественного географического фактора, существует целый ряд других критериев, которые позволяют рассматривать названные малоазиатские монархии (а отчасти – также Пергам, Пафлагонию и Галатию) как некое единство, это возникновение и укрепление государственности в слабо эллинизованных регионах как результат противостояния македонскому империализму; сохранение в значительной части Малой Азии господства азиатской аристократии, активно, но избирательно воспринимавшей элементы македонской государственности и греческой культуры; принадлежность всех названных государств к разряду «Mittelstaaten», что влекло за собой определенные особенности дипломатии и внешней политики; включенность их в единое политико-правовое поле, отчасти противопоставляющая их великим эллинистическим державам.

С.Д. Литовченко (Харьков) представил доклад «“Царские годы” Тиграна II». Он отметил, что успешная внешняя политика этого царя привела к включению в состав Великой Армении большей части государства Селевкидов. Анализ монетного дела Тиграна II позволяет предположить, что он не стремился представить себя продолжателем Селевкидской династии, но старался завоевать доверие населения сирийских городов. Это выразилось и в размещении на монетах антиохийской чеканки изображения Тюхе Антиохийской работы Евтихида, которое не встречалось на монетах Селевкидов, и в отказе от применения титула «царь царей» на легендах. Только после окончательной потери сирийских владений Тигран II, сохранив ставшие уже традиционными изображения на тетрадрахмах и драмах, начал чеканить на монетах титул «царь царей». На этих монетах впервые указаны годы правления Тиграна II (с 33-го по 39-й), что должно было символизировать продолжение его царствования вопреки его неудачам первой половины 60-х годов I в. до н.э. Следовательно, можно утверждать, что он весьма прагматично использовал чеканку монет для укрепления своей власти, а не слепо копировал эллинистическую традицию.

С.К. Сизов (Нижегород) выступил с докладом «Клеомен III и освобождение илотов». Согласно Плутарху (Cleom. 23. 1), спартанский царь Клеомен III в 223 г. до н.э., накануне решающей битвы против Антигона Досона при Селласии, освободил шесть тысяч илотов, способных уплатить по пять мин серебра, и вооружил македонским оружием две тысячи человек. По-видимому, этим двум тысячам было пожаловано спартанское гражданство, и при Селласии они сражались в рядах «лакедемонян». Сообщение Плутарха вызывает много дискуссий в литературе и оставляет немало места для различных предположений. Точка зрения автора сводится к тому, что, во-первых, цифры,

приведенные Плутархом, не являются преувеличенными, как полагали некоторые исследователи; во-вторых, освобождение илотов было чисто фискальной мерой, а не новым этапом «спартанской революции»; в-третьих, две тысячи бойцов, вооруженных на македонский лад, не были отобраны среди освобожденных илотов, как полагает большинство исследователей: скорее их набрали из корпуса наемников, воевавших на стороне Клеомена.

Доклад *Е.А. Молева* (Нижний Новгород) «К вопросу о включении Боспора в систему эллинистической государственности» был посвящен вопросу о том, в какой мере Боспор можно считать государством эллинистического типа. Автор согласен с точкой зрения М.И. Ростовцева о том, что боспорская власть, создававшаяся в особых исторических условиях и развивающаяся в совершенно особой среде последовательно и почти без перерывов, не находит себе полной аналогии ни в одном из уголков античного мира. Он проследил процесс формирования Боспорского государства до периода эллинизма, отметив, что на Боспоре постепенно формировались черты, свойственные будущим эллинистическим государствам, в результате чего на Боспоре даже формируется особая этническая общность «боспоряне» (Strabo. XI. 2. 10). Подчинение Боспора Понту, по мнению автора, не намного изменило характер государства, поскольку Понт также не принадлежал к числу классических эллинистических государств.

Два доклада были посвящены архитектурно-археологическим проблемам. *И.Н. Коровчинский* (Москва) выступил с докладом «Храм Окса, его аналогии и культ огня», в котором представил критический анализ гипотезы, изложенной Б.А. Литвинским и И.Р. Пичикиным в первом томе труда «Эллинистический храм Окса в Бактрии». Согласно этим исследователям, иранские храмы второй половины I тыс. до н. э., состоящие из основного ядра (зал и коридоры) и боковых крыльев, фланкирующих портик, являются храмами огня. Основанием для такого утверждения послужило открытие алтарей огня в боковых крыльях храма Окса в Тахти-Сангине (Бактрия), обладающего именно такой планировкой. Однако ни в одном другом подобном храме алтари огня обнаружены не были. И если в случае с «аяданой» в Сузах и «храмом с пьедесталом» в Персеполе это можно объяснить неполнотой или плохой документированностью раскопок, то «храм Диоскуров» в Дильберджине (Бактрия), состоящий в плане из тех же элементов, был раскопан и опубликован достаточно полно; тем не менее следы культа огня в нем все равно не были обнаружены. Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикин попытались обойти это обстоятельство, отнеся данный храм к иному типу, нежели храм Окса, – типу так называемых «храмов с двухчастным поперечным делением», к которому они отнесли также «храм с углубленными нишами» в Ай-Ханум (Бактрия) и ряд храмов Дура-Эвропос. Однако эти последние средне- и ближневосточные храмы не имеют ни портика, ни крыльев, чем заметно отличаются от храма в Дильберджине, чего нельзя сказать о вышеупомянутых культовых зданиях в Сузах, Персеполе и Тахти-Сангине. Отсюда можно сделать вывод о том, что наличие алтарей огня не является обязательным элементом храмов, подобных храму Окса. *А.В. Сильнов* (Санкт-Петербург) в докладе «Эллинистический город: композиционные и типологические особенности военной архитектуры» охарактеризовал несколько наиболее характерных памятников греческой архитектуры, расположенных в эллинистических городах Средиземноморья и Причерноморья, с точки зрения «военной архитектуры», включающей в себя такие дисциплины, как градостроительство, фортификация и полиоркетика. Им был дан анализ известных композиционных схем фортификационной архитектуры, их объемно-пространственные, градостроительные и эстетические характеристики. Докладчик определил основные типы планировочных решений: 1) прямоугольная («дорическая») планировка; 2) цилиндрически-эллипсоидная («ионическая»); 3) гексагонально-композиционная («эллинистическая»). Данная схема позволяет в целом проследить эволюцию развития античной военной архитектуры. Общие результаты представлены в сводных типологических таблицах, графических и компьютерных реконструкциях. По мнению автора, фортификационная архитектура греческих государств к III–II вв. до н.э. имела сложную, развитую планировку, построенную с учетом теоретических работ военных инженеров, градостроителей и архитекторов.

В докладе *Н.А. Маккавеева* (Москва) «Персидский залив на периферии эллинистического мира» внимание слушателей было привлечено к территориям, которые не часто фигурируют в контексте эллинистической истории. Регион Персидского залива (помимо прибрежных районов собственно залива, это понятие включает также Оманский полуостров и Мекранское побережье) характеризуется относительной изолированностью и природно-климатическими отличиями от внутриконтинентальных районов, что предопределило единство региона в хозяйственно-культурном отношении и затрудняло достижение и поддержание прямого политического контроля над ним. Отдельные гарнизоны и путь в Индию, судя по всему, существовали здесь еще в ахеменидское время. Из-за сложных природных условий и недостатка плодородной земли Селевкиды также ограничились устройством гарнизонов в стратегически важных пунктах для контроля над торговыми путями. Всего насчитывается около восьми таких колоний, большинство из которых пока не поддаются локализации. Несмотря на это,

по археологическим материалам в регионе прослеживается довольно заметное греческое влияние, прежде всего в керамике и в сфере денежного обращения.

Завершил работу симпозиума доклад *Е.В. Смыкова* (Саратов) «Германик и Александр». Он был посвящен главным образом анализу того места «Анналов» Тацита, где Германик сравнивается с Александром Великим (II. 73). Иногда этот текст служит основанием для вывода о сознательном подражании македонскому завоевателю со стороны Германика. Однако факты, приводимые в подтверждение этого, малоубедительны, так как в этом сравнении следует видеть не более чем литературный прием. Римские писатели неоднократно обращались к образу Александра, причем, как правило, в негативном контексте (хотя и признавали его величие как царя и завоевателя). Тацит унаследовал эту традицию. В его характеристике Германик превосходит Александра по своим моральным качествам, и, самое главное, как командующий. Однако, в отличие от Александра, он не является монархом и поэтому не может в полной мере реализовать свои военные дарования. Таким образом, в оценке личных качеств Александра Тацит следует старинной республиканской традиции, однако у него уже нет прежнего абсолютного непризнания единоличной власти. Германик для него идентифицируется с идеалами империи, благородной победы, завоевания. С его смертью все это остается в прошлом, а повествование Тацита начинает приобретать все более и более мрачный колорит.

Доклады *И.А. Ладынина*, *И.Н. Коровчинского*, *А.В. Сильнова*, *С.Д. Литовченко* и *Н.А. Маккавеева* сопровождалась презентациями иллюстративного материала. Практически каждое выступление на симпозиуме вызывало оживленное обсуждение и последующую дискуссию не только по самой теме доклада, но и по связанной с ней проблематике более широкого плана. Участники его высказали единодушное пожелание, чтобы симпозиумы, посвященные изучению различных аспектов истории эллинизма, стали традиционными.

О.Л. Габелко

© 2013 г.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ЯРОСЛАВСКОГО ЦЕНТРА АНТИКОВЕДЕНИЯ*

Научно-образовательный Центр антиковедения Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова был создан 6 декабря 2006 г. под руководством профессора В.В. Дементьева. За время существования Центра семи ее аспирантов, занятых в нем, защитили диссертационные работы в МГУ, Казанском и Воронежском государственных университетах. Всего число сотрудников составляет обычно не более 10 человек, хотя с деятельностью Центра аффилировано большее число исследователей. За первые годы работы коллектива был проведен целый ряд крупных научных мероприятий¹ и выполнено несколько научно-исследовательских проектов, поддержанных РФФИ, РГНФ, Минобрнауки РФ, Немецкой службой академических обменов (DAAD).

Важным направлением работы Центра является разработка и развитие комплекса информационных ресурсов по античной истории, философии и культуре, древнему праву, классической филологии и другим дисциплинам.

* Текст подготовлен при поддержке РФФИ (грант № 10-06-00140-а) и Минобрнауки РФ (Госконтракт № 16.740.11.0104).

¹ В результате были изданы: Античный полис: курс лекций / В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (отв. ред.). М., 2010; Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст. Доклады международной научной конференции / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ч. 1–2. Ярославль, 2010; Народ и демократия в древности. Доклады российско-германской научной конференции / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ярославль, 2011 (издание на нем. языке: Volk und Demokratie im Altertum. Bd I / V.V. Dement'eva, T. Schmitt (Hrsg.). Göttingen, 2010); Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. Доклады международной интернет-конференции / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ярославль, 2012.